

Образование, наука и религия в русском Просвещении: в поисках компромисса (Часть II)

Евгений Н. Ивахненко

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, ivahnen@rambler.ru*

Аннотация. Настоящая статья является продолжением публикации, размещенной в Вестнике РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» (№ 4 (10), 2017). В первой части был представлен анализ текстов и событий русского XVIII в. в его отношении к государственной опеке, распространившейся на православие, образование и науку. Во второй части предпринимается попытка показать метафизические основания, на которые опиралось русское Просвещение, осуществлявшее рецепцию европейской рациональности. Принятая в России в качестве «университетской науки» метафизика Христиана Вольфа, по мнению автора, являла собой идеологию компромисса утверждавшейся науки, становящейся системы образования и религиозной политики государства.

Ключевые слова: образование, наука, религия, философия Вольфа, государственная опека, русское Просвещение

Для цитирования: Ивахненко Е.Н. Образование, наука и религия в русском Просвещении: в поисках компромисса (Часть II) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 205–217.
DOI: 10.28995/2073-6401-2019-8-205-217

Education, science and religion in the Russian Enlightenment. In search of a compromise (Part II)

Evgenii N. Ivakhnenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ivahnen@rambler.ru

Abstract. This article is a continuation of the publication placed in the RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art history” Series (2017, no. 4). The first part presented an analysis of the texts and events of the Russian 18th century in its relation to state guardianship, which extended to the Orthodoxy, education and science. In the second part, an attempt is made to show

the metaphysical foundations on which the Russian Enlightenment, which carried out the reception of European rationality, was based. The metaphysics of Christian Wolf, adopted in Russia as a “university science”, according to the author, was the ideology of a compromise of the established science, the emerging educational system and the religious policy of the state.

Keywords: education, science, religion, Wolf’s philosophy, state guardianship, Russian Enlightenment

For citation: Ivakhnenko, E.N. (2019), “Education, science and religion in the Russian Enlightenment. In search of a compromise (Part II)”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art History” Series*, no. 3, pp. 205-217. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-8-205-217

Примерно столетний период российской истории, с начала петровских преобразований до окончания правления Екатерины II (1796), называют Петербургским периодом русского Просвещения. Это время, когда в Россию хлынул поток европейской философии и литературы, создавались академии, открывались университеты, перестраивалась вся система отечественного образования, зарождалась научная школа. Тем не менее, как всякий исторический период, в оценках историков и особенно историков российской культуры итоги «коловратного» XVIII в. России представляется по меньшей мере двойственно. Страна, безусловно, сделала гигантский шаг в своем развитии, когда, по выражению Ф. Степуна, откликнувшись на приказ Петра Великого «образовываться», Россия сумела ответить «гениальным явлением Пушкина» [Степун 1929, с. 435]. И в то же время XVIII в. прервал связь времен, увеличил разрыв сословного неравенства – социального и интеллектуального, – ставшего причиной, по некоторым оценкам, народовольческого террора 60–80-х гг. XIX в. и в конечном итоге приведшего к событиям октября 1917 г.

Может показаться, что в отношении прогресса науки и образования в этот период двойственность неуместна. Однако таковая присутствует не столько в результатах Просвещения, позволивших России уже к концу XIX в. занять достойное место в мировой науке, сколько в самом характере и типе рецепции европейского образования. О ней и пойдет речь.

Прежде всего европейский прогресс научного знания связывают с деизмом и секуляризацией общественной жизни. Это справедливо для Просвещения Европы. Однако в России XVIII столетия подъем образования и науки не происходил по аналогичному сценарию. Часто можно встретить мнение, согласно которому причи-

ной такого расхождения называется «вековая отсталость» России, вторичность и подражательный характер российской образованности по отношению к наиболее представительным западным национальным научным сообществам – Франции, Англии и Германии. На самом деле имела место преемственность, но никак не подражание. Уже с середины XVIII в. образованное сословие двух российских столиц осознавало себя полноценной частью европейского Просвещения. Оно вовсе не уничижалось перед просвещенной Европой и не терзало себя комплексом собственной слабости [Поповский 1819, с. 16]. Подражание по определению не могло способствовать такому могучему подъему науки, который произошел в России в следующем за Просвещением столетии. Уже к началу XX столетия российская наука, на основании комплексной оценки, по числу ученых, научных достижений, специализированных журналов, публикаций, университетов занимала пятое место в мире, уступая лишь Германии, США, Англии и Франции [Forman, Heilbron, Weart 1975, pp. 21-38]. В некоторых же областях науки (математика, химия) российские ученые к тому времени выдвинулись в число первооткрывателей.

Специфическим для русского Просвещения было неконфликтное по преимуществу сосуществование нарождающейся науки с религией. Эту особенность следует рассматривать не только с внешней, общественно-политической, стороны, но и с внутренней – со стороны принятых метафизических установок. Исследование метафизических условий продвижения дела образования и науки в России того времени дает основание утверждать о влиянии на этот процесс не только поверхностного слоя европейской культуры, но и глубинных философских ее течений. Их рецепция отличалась от европейской главным образом тем, что облекалась в этико-моральные интерпретации и русскоязычные понятийные аналогии научных понятий, почерпнутых из Европы [Кузнецова 1999]. Другим отличием русского Просвещения, к примеру, от французского, являлось то, что утверждение «научного мировоззрения» в нем не являлось эквивалентом успеха секуляризации. В данном случае мы имеем дело не столько с вытеснением религии из образования и науки, сколько с поисками компромиссов, внешних и внутренних, распространяющихся как на политику властей, так и на мировоззренческие установки русских интеллектуалов.

Отправной точкой для предложенной исследовательской траектории может служить констатация того, что российская наука не могла подняться до европейских высот на одних лишь собственных социокультурных, философских и естественнонаучных основаниях. Можно также утверждать, что тексты, написанные в то время

отечественными авторами, еще не могли претендовать на широкое признание со стороны европейских мыслителей. Наряду с этим русский век Просвещения, особенно вторая его половина, создает полноценное литературное движение – художественное и публицистическое, политическое и философское. В этом движении осмыслиется европейская интеллектуальная жизнь, глубоко и последовательно, а тексты европейских мыслителей после тщательной проработки снабжаются комментариями и выводами.

Плоды европейского Просвещения не поглощались в готовом виде, а высаживались на русскую культурную почву. Уже первые ростки таких насаждений могут служить свидетельством отсутствия резкого противопоставления принятых достижений европейской науки вероисповедальческому комплексу русского православия. Причин тому несколько. Первая из них – стремление абсолютистской власти опекать и контролировать все стороны общественной жизни: от привнесенных бытовых традиций до литературных и политических пристрастий писательской среды. Религия в этом деле не была исключением. Еще в начале петровских преобразований светская власть сковала православную церковь «синодальным обручем». В последующем на протяжении всего столетия церковь оставалась на службе государства, решая задачу в основном этико-морального влияния на все слои русского общества. Такова специфика «мягкой доминанты» российской власти, утвердившейся в XVIII столетии [Ивахненко 1999, с. 185–224]. Большинство русских мыслителей – авторов бесчисленных трактатов, торжественных речей, од, записок и прожектов – принимало эту установку скорее как внутреннюю, чем внешнюю и навязанную.

Секуляризация общественной жизни России несла в себе одно отличие, которое также следует упомянуть. Дело в том, что европейская наука и образовательные практики не находили в России препятствий теологического толка. Рациональное богословие, способное выдвигать альтернативную версию научной картины мира, в русском православии на тот момент еще только складывалось. Поэтому влияние «духовной цензуры» сводилось не к попыткам опровержения научной аргументации ученых, а к тем мировоззренческим выводам, которые из них делались. Делались же они часто людьми далекими от подлинной науки и европейской образованности.

Влияние европейского Просвещения оказывало воздействие в основном по двум направлениям. Ю.М. Лотман условно называет их «внешним» и «внутренним» [Лотман 1994]. Что касается внешнего фактора влияния на российскую жизнь, то на передний план здесь выдвигаются идеи французских мыслителей – Вольтера, Рус-

со, Дидро, Ламетри, Гольбаха и др. Внешние, институциональные, процессы в сфере образования, науки («наукизации») и религии были обозначены в первой части статьи. Но чтобы обозначить внутренние (эпистемологические) векторы перемен, необходимо обратиться к метафизическому слою русского Просвещения. Таковой оформлялся во многих отношениях под влиянием учения Христиана Вольфа (1679–1754).

Пик популярности Вольфа в России пришелся на вторую половину XVIII в. Его труды во многом сформировали представление российских академиков и профессоров об университетском образовании и учености как таковой. Власть устраивало учение немецкого метафизика, поскольку оно вполне могло служить в качестве теоретического обоснования абсолютизма. Вольф вовсе не помышлял о переустройстве общества, а только лишь ориентировал на его познание, что также его выгодно отличало в глазах российского правительства от французских просветителей.

Можно привести длинный список немецких авторов, которых упоминают в своих сочинениях русские мыслители того времени. Однако имя Вольфа в них занимает привилегированное место. Вольф на 50 лет стал своего рода «философским кумиром» в становящейся профессиональной среде университетских преподавателей. Он воспринимался как создатель «готовой» системы образования, которая не вступает в конфликт с религией и государством. Кроме того, его авторитет как мыслителя оставался высоким и в Европе. Кант, например, ставил «бессмертные заслуги» Вольфа в один ряд с Платоном и Аристотелем. Известно также, что Вольф даже намеревался принять приглашение Петра I и продолжить свою академическую карьеру в России. Этому плану не суждено было сбыться по причине смерти императора (1725). Курс лекций Вольфа в Марбургском университете по всеобщей математике, логике, метафизике и др. предметам на протяжении трех лет (1736–1739) слушал М.В. Ломоносов [Сухомлинов 1861]. «Сей славный автор... – писал Ломоносов, – всегда пребудет достоин чтения, а особливо ради внятного и порядочного расположения мыслей» [Ломоносов 1950, с. 422].

Что привлекало первых русских ученых в наследии Вольфа? Прежде всего – это стремление упорядоченно, стройно и системно излагать свои научные и нравственные изыскания. Вольф демонстрировал это качество, пожалуй, убедительней всех в Европе. Но не только это. Вольфианство лучше всего подходило для преподавания философии и естествознания во вновь образованных, еще не располагающих вековыми традициями университетах. Г.Н. Теплов, к примеру, создавая первый в России учебник по философии,

опирался исключительно на вольфианскую систематизацию [Теплов 1751]. Университетское преподавание в России того времени испытывало острую потребность в строгой систематике учебного материала, точности определений, четких формулировок мысли, неукоснительном следовании правилам логического вывода (опоре на «неограниченные возможности» дедукции) и др. – все это можно было найти в метафизическом учении Вольфа. «Плоским» и «рутинным» вольфианство будет названо (с подачи Гегеля) только в следующем столетии. Для своего же времени познавательные принципы немецкого метафизика представлялись оригинальными и новаторскими. В университетах и академиях России они успешно работали в качестве путеводителя по лабиринтам европейской науки.

Привлекательным в вольфианстве оказалось и то, что учение о Боге в нем располагается в одном ряду с логикой и физикой. Для нашего современника это выглядит по меньшей мере противоречиво. Однако именно эта сторона вольфианского наследия органично вписывалась в ситуацию, которая на тот момент сложилась в интеллектуальной и религиозной жизни русского общества. Т.В. Артемьева в своем исследовании истории метафизики в России законно ставит вопрос: «Почему же именно вольфианская форма компромисса с религией устраивала официальную русскую науку?» [Артемьева 1996, с. 51]. Ведь опыт популярного в екатерининское время французского Просвещения являл собой острую конфронтацию научного сообщества с католической церковью. Как было отмечено, в русском Просвещении ситуация складывалась иначе. Если католическая церковь несла в себе признаки самостоятельного политического института, то православие в России оставалось накрепко спаянным с самодержавием. По этой причине любая жесткая критика церкви квалифицировалась как антигосударственная деятельность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Абсолютистская опека сдерживала как внутреннее церковное, так и европейское политическое влияние. При этом власть вовсе не противодействовала, а скорее способствовала, популяризации достижений европейской науки в университетском образовании, однако делала это весьма своеобразно. Судьба русской науки, по справедливому замечанию В.П. Филатова, являла собой уникальный опыт их существования. Уникальность этого опыта во многом формировалась под влиянием разнообразных «техник власти», а также особой «логики цензуры», в совокупности оказавших на ход развития научного знания не менее серьезное воздействие, чем эксперименты или гипотезы [Филатов 1990, с. 35].

Система Вольфа в этом случае служила своего рода фильтром благонадежности по отношению к философским учениям, прославившихся в университетскую среду. Так, при екатерининском правлении отклонение от вольфианского академизма было практически равнозначным вызову, брошенному правительству. По той же причине позже, в первой половине XIX в., «подозрительными» становятся шеллингианцы – А. Галич, Д. Велланский, М. Павлов, Д. Веневитинов, В. Одоевский и др. Даже славянофилы, И. Киреевский и А. Хомяков, на какое-то время увлекавшиеся немецкой философией, попадают в немилость императора Николая I. Так что, когда в первой половине XIX в. университетские преподаватели стали изучать и пропагандировать новейшие системы немецкого идеализма (Канта, Шеллинга и Гегеля), в глазах чиновников, курирующих образование, этот интерес был квалифицирован как «оппозиционное умствование», за которым усматривалась угроза социально-политического протеста. В. Белинский, в свою очередь, также оценивал вольфианство преимущественно с политических позиций – не по его историческому достоинству, а по тому, как его использовал в своих целях абсолютизм.

Философия И. Канта долгое время находилась под подозрением, поскольку, в отличие от учения Вольфа, несла в себе выраженное влияние Разума на все стороны общественной и религиозной жизни. Так, получило свое развитие «Дело о профессоре Московского университета И.В.Л. Мельмане» [Дело 1863]. Лекции приглашенного из Геттингена доктора философии вызвали подозрение со стороны властей, религиозных и светских. Мельман по сути был первым в России, кто заговорил о критической философии Канта. Как следствие, за «хульные некие и оскорбительные свои мысли против христианской религии» он был изгнан из Московского университета. Вдобавок ко всему тридцатилетний ученый был объявлен сумасшедшим, выдворен из России, а возвращаясь на родину, умер при невыясненных обстоятельствах¹.

Поскольку в России академики и преподаватели университетов состояли на государственной службе, то их лояльность по отношению ко всем атрибутам абсолютизма, включая лояльность к представлению о том, какой должна быть религиозная вера, подлежала контролю и исправлению. Таким образом, вольфианство, став частью государственной идеологии, не могло не принять на себя вышеупомянутые упреки в «рутинности» и «реакционности». В этом

---

¹ Подробное изложение популяризации философских идей И. Канта в университетах и духовных академиях России в обозначенный период представлено в фундаментальной монографии А.Н. Круглова [Круглов 2009].

случае следует признать, что за интерпретацию должны нести ответственность интерпретаторы, поставившие учение немецкого метафизика в иные исторические, национальные и культурные рамки.

В «Разумных мыслях о силе человеческого разума» Вольф выдвинул детерминистскую формулу: «Все имеет причину, для чего оно есть» [Вольф 1765, с. 18]. Упомянутое им «все» распространяется как на божественные, так и на природные сущности. Обе сущности включались в общую систему знаний. Эта формула в какой-то период была вполне приемлема для русского образованного читателя, так как позволяла сглаживать барьеры между научными знаниями Запада и глубоко укорененным в сознании русских людей религиозным мировоззрением. Но важно здесь и то, что знание о Боге уже можно было рассматривать, как доступное человеческому разуму в целом и логической интерпретации в частности. Православное богословие в таком виде получило дополнительный рациональный ресурс со стороны «естественной телеологии», науки о том, как «все возможно через Бога». В свою очередь естествознание, по определению Е.В. Спекторского, представлялось в то время «некоторым родом богословия», поскольку подводило к «высочайшим рассуждениям о Творце вселенной» [Спекторский 1917, с. 310]. Конечно же, относительно мирное сосуществование науки и религии хотя и имело место, но только в том смысле, в котором оно устраивало власть в ее представлениях о государственном порядке. Однако персональное изучение наследия Вольфа вполне могло вводить отечественного читателя в противоречия, которые либо сглаживались его же формулой компромисса, либо, наоборот, обострялись. Те, кто рещался на обострение, переключали свой интерес с «благопристойного» немецкого Просвещения на «безбожное» французское.

Сколько-нибудь полноценная преемственность (а не подражание) европейского образования и передовой науки оказалась возможной только при наличии собственных культурных и эпистемологических предпосылок. В России такие предпосылки формировали первоначально упомянутые «латынщики» во второй половине XVII в. Их дело в первой половине XVIII в. продолжили церковные сподвижники Петра Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Эти две влиятельные фигуры привносили в русское православие черты двух во многом не совпадающих друг с другом рациональных богословий. Стефан Яворский слыл знатоком католической «схоластической премудрости», тогда как Феофан Прокопович неоднократно уличался церковными современниками и потомками в симпатиях к протестантской теологии. Оба они, несмотря на

расхождения, укрепляли рациональную сторону православия, тем самым подвигая его в направлении компромиссного восприятия плодов европейского просвещения. Феофан Прокопович, к примеру, скептически относился к философии Вольфа, критикуя ее «школьный» характер. Однако некоторые их взгляды вовсе не противоречили друг другу.

Уже во времена екатерининского правления вольфианство становится господствующей философией не только в университетах, но и в духовных учебных заведениях. С одной стороны, оно придавало дополнительный импульс к движению в сторону европейской науки, первично исходивший еще от «ученой дружины» Петра I. С другой – вольфианство явило собой авторитетную систему знаний, которая оказалась подходящей для осуществления постепенной трансформации русской религиозности, по определению Г.П. Федотова, «задолго до Петра ощущавшей свое бессилие», затвердевшей в «уставном благочестии» и «обрядовом исповедничестве» [Федотов 1991, с. 318]. Аллегорическое толкование (традиционное для русского православия до XVII в.) преимущественно апеллировало не к силлогистической логике построения мысли («если, то...»), а к символической («как то, так и это»). В основу символической реконструкции миропорядка была заложена метафорика сопоставлений объекта (идеи, события, поступка и т. п.) с тем или иным библейским сюжетом. Такая логика интерпретации применительно к усвоению европейского научного дискурса с его детерминизмом могла выполнять только вспомогательные (образные, метафорические) функции, но никак не фундаментальные.

Первыми, как было упомянуто, курс на освоение силлогистики и рационального истолкования научных знаний взяла во второй половине XVII в. партия «латынщиков», ведомая Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым [Ивахненко 2008, с. 201–231]. Однако последующее влияние западного вольфианства в этом отношении было куда более радикальным. Благодаря ему стала распространяться трактатная форма изложения научных взглядов, а строгость и систематичность наук, привнесенная в Россию вместе с учением Вольфа, в конечном итоге способствовала разделению натурфилософии на собственно философию и естествознание. Стало возможным с университетской кафедры преподавать их отдельно.

Таким витиеватым способом осуществлялось приобщение к европейскому рационализму. Постепенно, шаг за шагом, оживлялись те накопленные резервы русской мысли, которые до того не были полноценно востребованы. Религия и наука стали представляться как сферы, с которыми в равной мере соприкасались люди, принадлежащие к образованному слою России. В силу сложившихся ус-

ловий оказалось возможным неконфликтное в целом сосуществование традиционного комплекса религиозных воззрений с привнесением «духа новой науки в университетскую жизнь» [Зибен 1984, с. 56]. Не в последнюю очередь влияние систематического учения Вольфа оказало воздействие на исходную идею построения российского университета, во многом осуществившим преемственность от немецкой системы университетского образования. Таким образом, эпистемологический синкретизм русской мысли выражался в стремлении авторов соединить умозрение и откровение с научными достижениями своего времени. В этих условиях образованный слой русского общества практически не ставил себя в позицию непримиримого обличителя церковной идеологии. С другой стороны, и духовенство не имело полномочий объявить ученым войну на уничтожение. Мировоззренческие разногласия в основном проявлялись в сфере литературно-публицистической полемики, в которой, к слову, принимала участие сама императрица Екатерина II. Такое, относительно мирное, сосуществование науки и религии обеспечивалось сдерживающим всеприсутствием власти. Таким же путем сведения о научных открытиях и теориях, поступавшие в Россию из Европы, вливались в «коловоротное движение» русского XVIII в. Здесь мы можем обнаружить разнообразные эклектические научно-религиозные синтезы. В их числе и «Бог творит мир по законам природы» А.М. Брянцева [Брянцев 1952, с. 382], и «сотворение мира за шесть дней» И.Д. Ертова [Ертов 1799, с. 19], и космическая утопия Ф.И. Дмитриева-Мамонова [Дмитриев 1956, с. 394–412], и многое, что последующая эпоха русской науки могла бы назвать «увлечениями собственного детства».

Этот способ представлять свои взгляды на мир хоть и уступал европейской науке того времени, все-таки являлся вполне плодотворным, давшим начало последующим достижениям собственно российских научных и образовательных школ, перешагнувших сначала рубеж XIX, а потом и XX столетия.

Литература

- Артемьева 1996 – *Артемьева Т.В.* История метафизики в России XVIII в. СПб.: Алетейя, 1996. 319 с.
- Брянцев 1952 – *Брянцев А.М.* Слово о всеобщих и главных законах природы, говоренное... июня 30 дня 1790 года // Избранные произведения русских мыслителей втор. пол. XVIII в. Т. 1. М., 1952. 712 с.
- Вольф 1765 – *Вольф Х.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. СПб., 1765. 304 с.

- Дело 1863 – Дело о профессоре Московского университета И.-В.-Л. Мельмане // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1863. Апрель–июнь. Кн. 1–2.
- Дмитриев 1956 – *Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Дворянин-философ // Вопросы истории, религии и атеизма. М., 1956. С. 394–412.
- Ертов 1799 – *Ертов И.Д.* Начертание естественных законов происхождения вселенной. Ч. 4. Т. 2. СПб., 1799. 60 с.
- Зибен 1984 – *Зибен В.В.* К вопросу о теоретических источниках философии Христиана Вольфа // Ученые записки ТГУ. Вып. 693. С. 37–56.
- Ивахненко 1999 – *Ивахненко Е.Н.* Россия на «порогах». СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. С. 185–224.
- Ивахненко 2008 – *Ивахненко Е.Н.* Эпистемологические основания и условия русской религиозности допетровского времени // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2008. С. 201–231.
- Круглов 2009 – *Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 568 с.
- Кузнецова 1999 – *Кузнецова Н.И.* Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX в.). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 176 с.
- Ломоносов 1950 – *Ломоносов М.В.* Из «Вольфианской экспериментальной физики» // Полн. собр. соч. В 11 т. Т. 1. М., 1950. С. 421–530.
- Лотман 1994 – *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 484 с.
- Поповский 1819 – *Поповский Н.Н.* Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете // Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями: в 4 ч. Ч. I. М.: Университетская типография, 1819. С. 9–17.
- Спекторский 1917 – *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVIII столетии. Киев, 1917. Т. 2. 639 с.
- Степун 1929 – *Степун Ф.А.* Религиозный смысл революции // Современные записки. 1929. № 40. С. 427–460.
- Сухомлинов 1861 – *Сухомлинов М.И.* Ломоносов – студент Марбургского университета // Русский вестник. 1861. Т. 31, № 1. С. 127–165.
- Теплов 1751 – *Теплов Г.Н.* Знание, касающееся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751.
- Федотов 1991 – *Федотов Г.П.* Трагедия древнерусской святости // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. С. 302–319.
- Филатов 1990 – *Филатов В.П.* Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 34–47.
- Forman, Neilbron, Weart 1975 – *Forman P., Heilbron J., Weart S.* Physics circa 1900: Personnel, Funding, and Productivity of the Academic Establishments. Princeton: Princeton University Press, 1975. pp. 21–38.

References

- Artem'eva, T.V. (1996), *Istoriya metafiziki v Rossii XVIII v.* [The history of metaphysics in Russia of the 18th century], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.
- Bryantsev, A.M. (1952), "A word about the universal and main laws of nature, spoken... June 30, day 1790", *Izbrannyye proizvedeniya russkikh mysliteley vtor. pol. XVIII v. Vol. 1* [Selected works of Russian thinkers in the second half of the 18th century, vol. 1], Moscow, Russia, 712 p.
- Dmitriyev (1956), "F.I. Dmitriev-Mamonov. The Nobleman philosopher", *Voprosy istorii. religii i ateizma*, Moscow, Russia, pp. 394-412.
- Ertov, I.D. (1799), *Nachertaniye estestvennykh zakonov proiskhozhdeniya vselennoy* [Inscription of the natural laws for the origin of the Universe], Part 4. Vol. 2, St. Petersburg, Russia.
- Fedotov, G.P. (1991), "The tragedy of old Russian holiness", *The fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture*, in 2 vols., vol. 1, Sofia, St. Petersburg, Russia, pp. 302-319.
- Filatov, V.P. (1990), "Images of science in Russian culture", *Voprosy filosofii*, vol. 5, pp. 34-47.
- Forman, P., Heilbron, J. and Weart, S. (1975), *Physics circa 1900: Personnel, Funding, and Productivity of the Academic Establishments*. Princeton University Press, pp. 21-38.
- Ivakhnenko, E.N. (1999), *Rossiya na «porogakh»* [Russia on the "thresholds"], Herzen RSPU, St. Petersburg, Russia.
- Ivakhnenko, E.N. (2008), "Epistemological foundations and conditions of Russian religiosity of pre-Peter time", in Kasavin, I.T. (ed.), *Problema demarkatsii nauki i teologii: sovremennyy vzglyad* [The issue of the demarcation of science and theology: a modern view], IFRAN, Moscow, pp. 201-231.
- Kruglov, A.N. (2009), *Filosofiya Kanta v Rossii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka* [Kant's philosophy in Russia at the end of the 18th – the first half of the 19th century], "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia.
- Kuznetsova, N.I. (1999), *Sotsio-kulturnyye problemy formirovaniya nauki v Rossii (XVIII – seredina XIX vv.)* [Socio-cultural issues of the formation of science in Russia (18th – mid 19th centuries)], Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Lomonosov, M.V. (1950), "From the 'Wolfian Experimental Physics'", *Poln. sobr. soch. V 11 t. T. 1.* [Complete Works. In 11 vols. Vol. 1], Moscow, Russia, pp. 421-530.
- Lotman, Yu.M. (1994), *Besedy o russkoy kulture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th century)], Iskusstvo, St. Petersburg, Russia.
- Popovskiy, N.N. (1819), "Speech spoken at the beginning of philosophical lectures at Moscow University", *Rechi, proiznesennyye v torzhestvennykh sobraniyakh imperatorskogo Moskovskogo universiteta russkimi professorami onogo s kratkimi ikh zhizneopisaniyami: v 4 ch. Ch. I.* [Speeches delivered at the ceremonial meetings of the Imperial Moscow University by Russian professors thereof with their brief biographies in 4 parts. Part I.], Universitetskaya tipografiya, Moscow, Russia, pp. 9-17.
- Sieben, V.V. (1984), "On the Theoretical Sources of the Christian Wolf's Philosophy", *Uchenyye zapiski TGU*, issue 693, pp. 37-56.

- Spektorskii, E.V. (1917), *Problema sotsialnoi fiziki v XVIII stoletii* [The issue of social Physics in the 18th century], Vol. 2, Kiev, Ukraine.
- Stepun, F.A. (1929), "The religious meaning of the revolution", *Sovremennyye zapiski*, no. 40, pp. 427-460.
- Sukhomlinov, M.I. (1861), "Lomonosov – a student of the University of Marburg", *Russkiy vestnik*, vol. 31, no. 1, pp. 127-165.
- Теплов, G.N. (1751), *Znaniye, kasayushcheyesya voobshche do filosofii dlya polzy tekh. kotoryye o sey materii chuzhestrannykh knig chitat ne mogut* [Knowledge relating generally to philosophy for the benefit of those who cannot read the foreign books on that matter], St. Petersburg, Russia.
- The case, (1863), "The case of a professor at Moscow University J.W.L. Mellmann", *A Conference in the Imperial Society of Russian History and Antiquities, April–June. Book 1–2*, Moscow, Russia.
- Wolf, Ch. (1765), *Razumnyye mysli o silakh chelovecheskogo razuma i ikh ispravnom upotreblenii v poznanii pravdy* [Reasonable thoughts about the forces of the human mind and their proper use in the knowledge of the truth], St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Евгений Н. Ивахненко, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4; ivahnen@rambler.ru

Information about the author

Eugene N. Ivakhnenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosovskii Av., Moscow, Russia, 119991; ivahnen@rambler.ru